

УДК 343.8:331.2

О. А. ПОГУДИН,

кандидат экономических наук, доцент

*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Рязань, Россия*

О СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Цель: констатация иррациональности сложившейся системы зарплатообразования осужденных к лишению свободы как важнейшей составляющей социально-трудовых отношений в уголовно-исполнительной системе и обоснование необходимости ее реорганизации, в том числе посредством восстановления функций нормирования труда.

Методы: диалектический метод изучения явлений и процессов реальной действительности, абстрактно-логический метод, метод анализа, синтеза, сравнения эмпирических и статистических данных.

Результаты: аргументирована позиция, согласно которой повышение оплаты труда осужденных основывается на развитии и технологическом перевооружении промышленного производства уголовно-исполнительной системы, а также призвано увязываться как с позитивной динамикой производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы, так и эффективным институтом нормирования их труда.

Научная новизна: выявлена системообразующая взаимосвязь между проблемами оплаты труда осужденных и состоянием промышленного производства в уголовно-исполнительной системе. Установлена бесперспективность решения социально-трудовых проблем в уголовно-исполнительной системе на «ведомственных принципах», игнорирующих содержание объективного закона стоимости.

Практическая значимость: проявляется в возможности совершенствовать управление социально-трудовыми процессами (например, обеспечивать результативность применения по отношению к осужденным системы «социальных лифтов») в уголовно-исполнительной системе, включая также нормотворческую деятельность ее центрального органа в данном направлении.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; производство в уголовно-исполнительной системе; оплата труда осужденных; минимальный размер оплаты труда; нормирование труда; среднемесячная выработка осужденных.

Введение

Известно, что предметы социально-трудовых отношений в наибольшей степени определяются проблемами занятости и следующими из них организацией и оплатой труда. И те, и другие связываются с обеспечением людей средствами существования, условиями и нормированием труда, возмещением затрат рабочей силы, возможностями для развития человека в процессе трудовой деятельности. Подобные проблемы, безусловно, актуальны для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), преследующей цели исправления осужденных, в том числе посредством привлечения их к общественно полезному труду¹. Между тем, значимость вопросов организации заработной платы осужденных вы-

ходит далеко за ее рамки. Необходимость полноценной материальной компенсации причиненного отбывающими лишение свободы преступниками ущерба, выполнения ими исковых и алиментных обязательств давно перевела рассматриваемую проблему в категорию социально значимых. Из заработка осужденных удерживаются расходы по их содержанию в исправительных учреждениях (далее – ИУ), которые наряду с налогом на доходы физических лиц возвращаются в федеральный бюджет. В более или менее совершенном механизме исполнения уголовных наказаний заработная плата не только показатель их соответствующей трудовой активности, профессиональной принадлежности или уровня квалификации, но и ключевой фактор для условно-досрочного освобождения из ИУ и успешной ресоциализации.

Социально-экономическим проблемам тюрем и содержащихся в них заключенных уделяется

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2014. 95 с. (Кодексы Российской Федерации)

достаточное внимание за рубежом. Так, анализ специфических черт тюремного сообщества и его потенциальных трудовых ресурсов приведен в работе Дж. Кларка «Reflections on the Prisons as Community» [1].

Результаты исследования

В бывшем СССР (конец 1970-х – 1980-е гг.) проблемы оплаты в явном виде практически не существовало. Шестиразрядная тарифная сетка, действующая во всех отраслях промышленности и распространяемая на производственную сферу УИС, отражала единообразие в вопросах формирования трудовых доходов свободных советских тружеников и лиц, вступивших в конфликт с социалистической законностью. Система исполнения наказаний с ее «неограниченными трудовыми ресурсами» и весьма развитой для того времени материально-технической базой была органично встроена в хозяйственный механизм страны. Показатели трудоиспользования осужденных достигали 87,6 % (1979 г.), а выполнение регулярно доводимого до мест лишения свободы плана выпуска продукции рассматривалось МВД едва ли не ключевым результатом их деятельности. К тому же вплоть до 1991 г. реализуемая государством карательная уголовно-исполнительная политика предполагала законным (без риска социального недовольства со стороны осужденных) удержание половины суммы их зарплаты [2].

Казалось бы, и сегодня в производительном труде и реальных трудовых доходах осужденных к лишению свободы должны быть заинтересованы все: от самих арестантов и персонала учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) до законопослушных граждан и «серьезных» государственных структур. Однако на практике, в силу целого ряда причин, этого не происходит. По данным ведомственной статистики за 2011 г., из 575,1 тысяч содержащихся в местах изоляции трудоспособных граждан (общее их число 755,65 тысяч человек) было занято на оплачиваемых работах 160,1 тысяч, при среднедневном заработке 165 рублей. Впервые отбывали уголовное наказание 38,8 % человек, 29,5 % – второй раз, а 31,7 % – третий раз и более [3].

Оправдан интерес к различным составляющим деятельности ФСИН со стороны средств массовой информации. Даже порой из-за отсутствия

всесторонней объективности преподносимого на «суд общественности» материала выступление «четвертой власти» не только делает любую тюремную проблему «резонансной», но и способствует активизации работы органов УИС по ее устранению [4, 5]. Конечно, не нужно однозначно воспринимать информацию одной из участниц скандально известной группы «Pussy Riot» о «нечеловеческих условиях труда в мордовской колонии ИК–14» [5], где она отбывала наказание. Но то, что заработки работающих в УИС осужденных, как правило, «копеечные», факт весьма очевидный.

Подчеркнем, подобная социальная проблема возникла не сиюминутно и даже не вчера. Часто она тонула в море лозунгов и официальных деклараций, призывающих обеспечить материальную заинтересованность осужденных в труде, усилить для них трудовые гарантии и т. п. Неудивительно, что на нее стали обращать внимание и литературно-художественные издания, описывающие поведение и жизнедеятельность людей, в силу судебной ошибки оказавшихся в неволе [6]. Приведенный в одном из них пример показателен по своей сути. «Ясно понимая, что начисленные в качестве зарплаты деньги, не имеют ничего общего ни с реальным объемом выполненных работ, ни с элементарным здравым смыслом», герой данного произведения «обращается за соответствующим разъяснением к сменному мастеру... Но он то отводил глаза, то бормотал что-то совершенно невразумительное об ошибках бухгалтерии, перепутанных данных, неправильных нарядах... Старший же мастер вообще понес какую-то несуразицу..., а затем сформулировал вполне четкий встречный вопрос: "А ты что, сюда зарабатывать приехал?"» [6, с. 52–53].

Не вдаваясь, собственно, во «внеэкономические» причины обсуждаемой проблемы (которых в реальных условиях немало), весьма правдиво описанные Б. Земцовым, и, по его словам, «буквально пронизывающие сверху донизу систему ФСИН» [6, с. 98], всего лишь констатируем очевидное. Несмотря на установленное законом тождество зарплатообразующих условий на «зоне» и на свободе, фактической соизмеримости денежных сумм, получаемых работниками по приговору и тружениками по найму, не происходит (табл. 1).

Таблица 1

**Среднемесячная заработная плата
рабочих, занятых на предприятиях в сфере
обрабатывающего производства, и осужденных,
привлеченных к оплачиваемому труду
в учреждениях УИС (на примере регионов
Центрального федерального округа),
тыс. руб. / чел.***

Субъекты ЦФО РФ	Год							
	2009		2010		2011		2012	
	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона
Белгородская область	14,1	2,5	15,9	2,5	17,7	3,6	20	3,6
Брянская область	11	2,5	12,3	2,3	13,9	2,7	16,5	3,8
Владимирская область	13,1	3,5	14,5	3,3	16,3	4,2	18,3	4,1
Воронежская область	12,8	3,2	14,3	2,9	16,1	3,7	19,5	2,8
Ивановская область	11,5	2,5	13,1	2,9	14,4	3,4	17	3,9
Калужская область	15,4	2,3	17,7	3,4	20	3	23,7	3,5
Костромская область	12,4	2,8	13,5	3,4	14,9	3,8	16,9	4,4
Курская область	12,5	4,1	14	3,9	16,2	4,5	18,7	4,7
Липецкая область	13,9	2,2	15,4	2,6	17	3,5	19,4	3,7
Московская область	23,3	2,9	25,4	3,5	28,6	4,4	32,3	4,6
Орловская область	11,9	3,2	13,2	3,5	14,5	4,4	16,9	4,5
Рязанская область	13,4	2	15,3	2,6	16,7	2,4	19,1	3,6
Смоленская область	13	4,6	14,5	4,1	16,2	4,6	17,9	4,3
Тамбовская область	11,6	1,5	12,6	1,9	14,3	3,5	16,9	4,5
Тверская область	14,2	3,1	16,2	3,7	17,7	3,8	20,2	4
Тульская область	14,3	1,6	15,6	2,3	17,2	3,3	20,1	3,7
Ярославская область	14,4	3	16,1	3,3	18,1	3,8	20,4	4,3

* Источник: [7]. Цифры за 2012 г. рассчитаны автором по официальным данным Росстата и формам статистической отчетности ФСИН России.

Конечно, отмечаемая официальной статистикой ситуация с мизерными размерами начисляемых осужденным денежных средств в условиях их ограниченной занятости или невыполнения норм выработки на производстве не противоречит ст. 105 УИК РФ². С другой стороны, из-за упразднения действовавшей ранее в государственных бюджетных учреждениях Единой тарифной сетки базовая составляющая их индивидуального заработка (месячные оклады по профессиональным квалификационным группам профессий рабочих первого и второго уровня, «гуляющие» в зависимости от квалификации: от 2630 до 4090 рублей), заведомо меньше минимального месячного размера оплаты труда (далее – МРОТ).

Зарплата осужденных, выполняющих нормы, не может быть меньше этой величины, однако на практике она этой суммой и ограничивается. Между тем возможна и обратная ситуация. По данным газеты «Известия» за первое полугодие 2013 г., зарплата осужденных, якобы отработавших без потерь рабочего времени и полностью выполнивших производственное задание, составила меньше МРОТ. Например, 2700 рублей в Челябинской области, 3200 – Мурманской, 3900 рублей в Ростовской области и Ставропольском крае. В учреждении г. Копейска, где в ноябре 2012 г. произошло массовое неповиновение, осужденные получали от 6 до 20 рублей в месяц [4].

В дальнейшем величины названных выше окладов суммируются с доплатой до получения МРОТ. Поэтому заработки, его превышающие, вызваны в ряде случаев работой сверхурочно, во вредных и неблагоприятных условиях (что, бывает, не фиксируется в УИС вовсе), либо наоборот, выплатой отдельным профессионально подготовленным арестантам индивидуальных единовременных надбавок за «перевыполнение норм труда». Регулярный пересмотр размера МРОТ – немаловажная причина положительной динамики среднедневного номинального заработка осужденных, происходящей даже на фоне одновременного падения показателя произво-

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2014. 95 с. (Кодексы Российской Федерации)

длительности их труда. По статистике с 2005 по 2009 гг. заработная плата осужденных на один отработанный человеко-день выросла с 50,16 рублей до 141,34 рублей. А показатель выполнения ими норм выработки в среднем по УИС снизился с 75 до 56 % [3]. За два следующих года среднедневной заработок в номинальном исчислении увеличился на 16,8 %, в то время как показатель выполнения норм – лишь на 4,8 процентных пункта [3].

Напомним, именно МРОТ лежит в основе дифференциации доходов (в долях от него) арестантов, численность которых полностью проработавших последний месяц отчетного года на оплачиваемых работах, учитывается в ведомственной отчетности о привлечении к труду осужденных и лиц, заключенных под стражу. Так, по итогам 2012 г. зарплата у лиц, проработавших полный месяц, составила: до 10 % от МРОТ – у 17,2 % осужденных, от 10 до 50 % – у 29,3 %, от 50 до 100 % – у 28,5 % осужденных [8]. Из 203,5 тысяч осужденных, имеющих исполнительные листы, погашают иски только 86,7 тысяч [8].

Безусловно, подобная схема начисления зарплаты исключительно иррациональная. Во-первых, она не обладает воспроизводственными и стимулирующими свойствами, и, во-вторых, искажает (а то и вовсе нивелирует) институт нормирования труда. При очевидном потребительском мировоззрении и социальной деформации большинства «постсоветских» осужденных, а также существенной ограниченности их трудового потенциала данная схема тем не менее играет негативную роль в оценке той части, которая все-таки способна реагировать на применение к ней мер экономического поощрения (по некоторым оценкам, число таких осужденных не превышает 10–15 %). Сегодня абсолютное большинство содержащихся в ИУ лиц (особенно отбывающих наказание на общем режиме и имеющих небольшие сроки приговора) почти не заинтересовано в труде и его оплате, а значительная часть учреждений УИС не справляется с возложенной на них задачей по обязательному трудоустройству осужденных. На наш взгляд, отягощает подобную ситуацию идущее еще со времен ГУЛАГа представление, что дешевая рабочая сила из числа осужденных составляет конкурентное преимущество производственного сектора УИС (забывая,

однако, что конкурентоспособность продукции не определяется лишь ее ценой). Поэтому нередко под процессом активизации привлечения осужденных к труду на местах понимается «раздача» администрацией ИУ дисциплинарных взысканий тем осужденным, кто «сознательно» отказывается выходить в «промзону».

Автором уже обращалось внимание на приущие УИС социально-трудовые проблемы и возможные подходы к их решению [9, 10]. Содержательная идея подобных предложений предельно проста и экономически оправдана. Чтобы больше зарабатывать, осужденным следует больше производить материальных благ, давая возможность учреждениям УИС предлагать на рынок все большее количество потребительных стоимостей, обусловленное устойчивым со стороны общества спросом на труд осужденных и его результаты (табл. 2), а также технико-технологическими факторами, определяющими условия для наращивания подразделениями УИС объемов собственного производства и повышения его доходности. Речь, таким образом, идет не столько о мерах, изначально способствующих, например, пересмотру окладов либо расценок работникам-«сидельцам» (что подразумевается под «трудовой революцией во ФСИН» в виде роста нормативов оплаты и уменьшения норм производительности [4], правда, без акцентирования внимания на предпосылках этого роста, которые, на наш взгляд, следуют исключительно из закона стоимости, раскрывающего взаимосвязь между товарной массой и денежным эквивалентом затрат рабочей силы, связанных с ее производством), сколько о расширении тесно связанного с эффективностью «тюремного» производства источника выплат осужденным индивидуальных заработков (называемого совокупным фондом заработной платы) для достижения позитивной динамики, добиваясь их позитивной динамики. В объективной причинно-следственной цепочке экономических категорий «индивидуальная оплата труда» – «эффективность коллективного труда персонала» – «рентабельность предприятия» – «фонд заработной платы» – «индивидуальная оплата труда» результаты производственной деятельности пенитенциарного заведения и получаемые им совокупные доходы ставятся нами на первое место.

Таблица 2

Среднемесячная выработка рабочих, занятых на предприятиях в сфере обрабатывающего производства, и осужденных, привлеченных к оплачиваемому труду в учреждениях УИС (на примере регионов Центрального федерального округа), тыс. руб./чел.*

Субъекты ЦФО РФ	Год							
	2009		2010		2011		2012	
	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона	В регионе	В УИС региона
Белгородская область	170,6	11,5	224,3	11,6	259,2	11	287,7	8,2
Брянская область	51,7	16,2	68,5	15,6	86,9	12,6	103,2	13
Владимирская область	61,7	21,8	84,2	13,8	97,2	19,9	108,2	16,6
Воронежская область	72,6	16,9	97,8	7,8	131,1	10,1	147,5	13,5
Ивановская область	36,5	7,6	47,7	10,9	50,3	12,3	55,6	14,5
Калужская область	112,7	64,6	205,3	117,3	260,1	95,8	298,1	89
Костромская область	70,5	13,9	92	15,5	108,4	16,1	130,5	16
Курская область	87,7	9,6	103,4	9,5	117,5	10,2	123,3	9,3
Липецкая область	188,7	8,4	253,5	6,6	295,9	7,1	311,7	6,9
Московская область	152,6	5,5	180,7	7,2	206,8	8,6	221,5	11,6
Орловская область	51,4	10,3	73,2	10,6	90,9	10	96,6	10,7
Рязанская область	81,2	5,7	109,4	5,4	123,8	6,7	145,2	7,4
Смоленская область	70,7	15,8	92,7	17,3	108,2	18,8	118,9	17,3
Тамбовская область	58,4	6	62,5	6,9	100	7,5	101,8	7,2
Тверская область	74,2	8,6	93,1	9	109,5	10,3	129,8	10,9
Тульская область	106,8	6,1	141,7	12	180,6	22,4	180,8	17,8
Ярославская область	68,1	21,7	89,8	22,6	105,4	18,1	120,6	17,3

* Источник: [7]. Цифры за 2012 г. рассчитаны автором по официальным данным Росстата и формам статистической отчетности ФСИН России.

Формирование подобного социально-экономического механизма, фундамент которого составляет теза «больше производить», предполагает

привлечение рабочей силы из числа осужденных к решению различных производственно-хозяйственных задач, выходящих далеко за пределы так называемого внутриведомственного рынка. Что не приветствуется оппонентами, поскольку противоречит «мировому движению в сторону абсолютной нравственной недопустимости использования рабского принудительного труда осужденных» [11, с. 31; 12, с. 19]. Однако, и в этом вся суть, современная экспортно-сырьевая модель российской экономики в интересах общества отвергает трудовую занятость уголовных правонарушителей. Тем более и возможностей для достаточно широкого фронта работ, на которых они могли бы результативно использоваться, в силу деиндустриализации отраслей реального сектора и обострения проблем на рынке труда, остается все меньше. Правда и то, что не отличающееся узкой специализацией или выраженной отраслевой направленностью, как правило, низкотехнологичное, маломеханизированное производство в УИС, за последнее двадцатилетие «обескровленное» дефицитом оборотных средств и инвестиций в собственную модернизацию, имеет весьма неопределенные перспективы самостоятельного в полном смысле этого слова экономического, точнее – промышленного возрождения. Статистика в табл. 2 иллюстрирует неэффективность труда в местах лишения свободы и соответствующим образом подтверждает сказанное выше.

Так, выработка осужденных в 5, 10, а в ряде регионов в 20 и более раз отстает от результатов труда свободных тружеников, что, например, не противоречит [13]. Согласно данному источнику, каждый из российских заключенных выпускает в месяц товаров на сумму 19 тысяч рублей. Это меньше, чем на «гражданке» в швейном и мебельном производстве. Осужденные в США тоже уступают вольным труженикам американского производителя одежды VF Corporation или шведской IKEA, но их производительность в 14 раз выше, чем у российских коллег [13]. В то же время, расхождения в заработной плате (табл. 1) между отбывающими лишение свободы лицами и работниками обрабатывающих производств заметно слабее. В 2011–2012 гг. – всего лишь от 3–4 до 7 раз. Сопоставление производительности и заработка позволяет оценить показатели зарплатоотдачи в отраслях обрабатывающей

промышленности в российских регионах и в производственном секторе УИС, отличия между которыми также не в пользу осужденных. Если у них в 2011 г. в зависимости от территориального фактора 1 рубль, направленный на зарплату, обеспечивал «разброс» денежного выражения произведенных ими материальных благ от 2,0 до 6,7 рублей, то на гражданских металлообрабатывающих заводах – от 3,5 до 17,4 рублей. Разные усилия – разные доходы.

Главное в том, что заработки осужденных в регионах при разных объектах приложения их труда (изготовление стройматериалов, изделий швейной промышленности, машиностроения, ТНП) почти не разнятся, в сущности, адекватны их «мизерной» производительности и слабо связаны с ее динамикой. Учитывая их размеры, не превышающие МРОТ (его численное значение с 01 июня 2011 г. 4611 рублей), нетрудно резюмировать (хотя бы формально) о невыполнении многими осужденными в учреждениях УИС Центрального федерального округа установленных им производственных заданий. Вывод оправдан, так как по статистике ФСИН сменность работы осужденных в среднем по всей УИС меньше единицы (во многих регионах от 0,2 до 0,8), а средний процент выполнения ими норм выработки – не более 60 % [8].

За приведенными цифрами не только потенциальная инертность используемой в местах лишения свободы рабочей силы или отсутствие у нее достаточной квалификации. Здесь и нехватка производственных объемов, и архаика в организации рабочих процессов и рабочих мест, замеченная Б. Земцовым «бесхозяйственность, специально самым тщательным образом срежиссированная» [6, с. 16], и почти полная амортизация применяемых в ИУ средств их технологического оснащения. «... За полгода ... в лучшем случае было дней двадцать, когда осужденные могли работать в полную силу, не испытывая проблем со снабжением материалами. То нет мешков, то кончились паспорта от этих мешков, то отсутствуют вкладыши от этих мешков. И это в то время, когда в соседнем административном корпусе заседает целый плановый отдел...» [6, с. 15–16].

На наш взгляд, помимо факторов макроэкономического и социально-политического характера, мешающих соотносить темпы гуманизации

исполнения наказаний с результативностью производственно-хозяйственной деятельности УИС, ситуацию с трудоустройством осужденных усугубляет качество внутриведомственного управления. Именно на «нехватку хорошего современного менеджмента, позволяющего ... организовать производство с ... доходами для самой системы, ... результатами в деле перевоспитания спецконтингента и возмещения вреда потерпевшим» сетовал министр юстиции РФ на научно-практической конференции в сентябре 2009 г.³ В условиях, когда пореформенная экономика страны все отчетливее выталкивает из общественного производства трудовые ресурсы осужденных, считая безработицу среди них «головной болью» самой системы исполнения наказаний, потребность в «хорошем» внутриведомственном менеджменте возрастает многократно. Особенно в сфере социально-трудовых отношений (вне зависимости от того, является в действительности труд осужденных рабским или нет) и технической модернизации «тюремного» производства.

Оба направления теснейшим образом переплетены. Так, замещение трудоемкого производства капиталоемким приводит к экономии рабочей силы, что с формальных позиций не может не обострить проблемы трудоустройства осужденных. Но в случае реальной нацеленности УИС на опережающее преодоление данных проблем, это может создать серьезные предпосылки для по-настоящему взвешенных законодательных решений в сторону развития института исполнения наказаний без лишения свободы либо дать, наконец, импульс качественным нововведениям в сфере уголовного правосудия. Но и фондовооруженность труда с технологическим переустройством рабочих мест, изменяющих характер и содержание их использования в ИУ, обязательно потребуют более высокой квалификации исполнителей, обуславливающей рост их производительности и, соответственно, повышения заработной платы. Законы экономической «классики» незыблемы для любого субъекта хозяйствования. Решающим источником эф-

³ Тексты докладов участников научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10.

фактивности предприятия и благосостояния его работников служит коллективная выработка, расширение товарного выпуска, экономия труда и, как следствие, экономия издержек. В этом смысле ключевой вопрос по поводу источников денежных выплат осужденным по-прежнему сводится к осмыслению того, в какой мере нынешняя УИС способна самостоятельно восстановить воплощаемый в средствах производства и трудовых ресурсах осужденных, а в конечном итоге – в товарах и услугах собственный производительный капитал. Это означает, что как и 10–15 лет назад ждут своего решения проблемы инвестиций в переустройство материально-технической базы УИС, принципиально «не решаемые» одними лишь требованиями руководства ФСИН направлять 40 % от получаемой ИУ прибыли на производственные нужды (в целом по УИС за 9 месяцев 2012 г. – порядка 506 млн рублей [8]). Остаются злободневными проблемы профессионального образования осужденных, «преодолеваемые» на местах часто без «привязки» к первостепенным потребностям собственного производства, а в будущем возможно отданные на «откуп» воспитательным службам ИУ. Безусловно, требуют решения вопросы, касающиеся целесообразности функционирования тех «тюремных» производств, которые устарели и физически, и морально, особенно выпускающие «потребительные стоимости» силами осужденных для иных подразделений УИС, по ценам, превышающим среднерыночные. Показательный в этом отношении пример прозвучал из уст официального представителя ФСИН России применительно к работе одного из ИУ Ростовской области, где перерабатывают уголь, поставляемый в дальнейшем в учреждения УИС для собственных котельных. Его себестоимость почти в 2 раза выше, чем на «гражданке». Основная дилемма такова: либо закупать более дешевый уголь, но закрыть предприятие в колонии и лишит заключенных работы. Либо сохранить затратное производство и продолжать транжирить бюджетные деньги [5].

Поэтому возникает вопрос: где, например, будет выше заработная плата осужденных? В организованном по массовому типу швейном производстве либо в рамках предметного (даже технологического), как в машиностроении, разделения труда или же, наоборот, в кустарном, ручном

производстве, осуществляемом в условиях локальных участков и помещений камерного типа? В каком случае выше требования к рабочей силе, уровню механизации и технологичности рабочих мест, способные, с одной стороны, «толкать» вперед заработную плату, а с другой – являться следствием ее роста? Поэтому любая, использующая квалифицированный персонал хозяйственная структура, определенно не может не быть должным образом организована, что предполагает наличие «хорошего современного» менеджмента и применение им системы нормирования труда, раскрывающей, по словам А. К. Гастева, содержание того, «как надо работать» [14, с. 24].

Нет надобности приводить аргументы, доказывающие важность нормирования в управлении производственными и социальными процессами, однако почти повсеместное искажение его сути усиливает бытующую точку зрения о потере значимости данного института в экономике, отличной от планово-распределительной. Ключевые функции нормирования труда неизменны. В первом случае – это основа планово-организационных расчетов на предприятии и механизма организации заработной платы его сотрудников – во втором. Самое существенное в нормировании труда сводится не столько к определению необходимых затрат и результатов деятельности работников, сколько к установлению объективных соотношений между ними. Если норма времени на выполнение единицы работы, операции, функции одним работником или бригадой требуемой квалификации в нормальных организационно-технических, санитарно-гигиенических и эргономических условиях рассчитана «идеологически» верно (т. е. на основе выбора наиболее эффективных вариантов технологического и трудового процессов [14]), то выполнение нормы выработки за соответствующий временной период становится аксиомой. Именно поэтому выбор наиболее эффективной организации труда является важнейшим этапом его нормирования, а сами нормы способствуют наилучшему на данный момент использованию трудового потенциала и, естественно, материальных ресурсов в любой производственной структуре, нацеленной на экономический результат. Только тогда отсутствуют объективные условия для перевыполнения норм выработки (не более

чем на 10–20 % за счет наличия у работника способностей к подобной работе, превышающих средний уровень) и, наоборот, имеются веские предпосылки для их регулярного пересмотра по итогам повышения технологического строения капитала и роста профессионального мастерства сотрудников. Невыполнение же нормированных заданий (при полной занятости и загрузке оборудования) – итог любого несоответствия условий для расчета норм трудоемкости состоянию конкретного производственного процесса, другими словами – несоответствия организации труда тем ее характеристикам, на которые рассчитывались нормы его затрат и результатов.

При таком, в сущности «классическом», понимании специалистами-трудовиками нормирования, становится справедливым их вывод о принципиальной неразличимости сдельной и повременной форм оплаты труда, по крайней мере, в материальном производстве. «При повременной форме основанием для получения заработка за фактически отработанное время становится выполнение заданного объема работы – нормированного задания. Если оно исполнено на 100 % (а перевыполнить его не позволяет технологический режим либо договорные обязательства), то повременный и сдельный заработки исполнителей будут равны» [14, с. 216]. Данное обстоятельство обосновывает значительное сужение области применения индивидуальной сдельной оплаты и расширяет границы использования повременной (повременно-премиальной) оплаты с нормированным заданием как индивидуальной, так и коллективной. Сдельный способ зарплатообразования обоснован в случае, когда объем создаваемых благ существенно связан с индивидуальными различиями работающих и не является следствием технических возможностей станков, машин и оборудования.

Заметим, что в УИС ситуация иная. Индивидуальные характеристики осужденных как тружеников почти не разнятся, а преимущество для них сдельной оплаты (ныне с заработком за выполнение «норм», равным МРОТ) не только не оспаривается, но и возводится в ведомстве в абсолют [5]. Мы же повторим, подобная схема начисления зарплаты принципиально неверна, что станет особенно заметным при увеличении соответствующей мировому опыту и расчетам

отечественных специалистов МРОТ до величины 10,0–13,7 тысяч рублей (против нынешних 5 205 рублей) [15, с. 67]. Из каких средств будут осуществляться подобные выплаты, если динамика объемов и номенклатуры производимой в УИС товарной массы принципиально не изменится?

Конечно, в советские годы практика нормирования труда в народном хозяйстве также отставала от теории, хотя формально нормированием было охвачено до 90 % всех работников, включая лиц, отбывающих уголовные наказания. Провозглашая себя инструментом повышения эффективности труда, нормирование (как прерогатива государства) часто имело более «приземленную» цель, заключающуюся в ограничении размера оплаты, вплоть до поощрения «уравниловки». При повременной оплате ее размер зависел от проработанного времени и разряда, но никак не от результатов труда (подобная точка зрения сохраняется в умах многих руководителей, к сожалению, до сих пор). Если работник – сдельщик, то практикующая «система нормирования» не позволяла ему заработать больше среднего для данного стажа и профессии уровня. «Норма времени (выработки)» в этом случае не диктовала уровень заработка, а сама подгонялась под него, что фактически называлось «урезанием» расценок.

О том, почему подобное псевдонормирование существовало долгое время и, к сожалению, существует до сих пор на многих отечественных предприятиях с более или менее полной загрузкой мощностей специалистам известно давно. Попытки компенсировать недостатки в начислении заработной платы за счет манипуляций с трудовыми «нормами» – дело обычное для собственников рабочих мест. Почти полная деформация рассматриваемого института проявляется сегодня в отсутствии и отраслевого нормирования, и централизованной разработки норм и нормативов на уровне госорганов. На большинстве предприятий упразднены отделы организации труда и нормирования, почти нет их и в организационной структуре органов, исполняющих наказание.

По теории, в рационально организованном производстве размер заработка работника призван устанавливаться по отношению к нормам условий, сложности, затрат и результатов его труда. А «рост зарплаты ставится в зависимость от снижения норм затрат труда и материалов, повы-

шения качества продукции и увеличения объема продаж» [14, с. 216]. В реальной жизни чаще всего этого нет. Экспертами давно указывается на порочную практику зарплатообразования в России, проявляющуюся «в установлении собственником организации остаточной доли своего валового дохода», которую он готов распределить между работниками в зависимости от собственных возможностей и желаний, в лучшем случае – с учетом мнения представительного органа коллектива [16, с. 59].

Качество нормирования труда в УИС, по нашему мнению, нетрудно оценить из изложенного выше. Оно также «отталкивается» от предполагаемой цены на выпускаемую в ИУ продукцию, а не основывается на прогрессивных, как должно быть, нормах. Существующие же нормы, естественно, требуют пересмотра и изменений, исходя из эффективности производства. Иначе даже применение «советских» Единых норм и расценок с поправкой на сегодняшний день делает совершенно другой итоговую цену продукта по сравнению с исходно-ожидаемой. В конечном счете, даже руководители ФСИН России признают, что нормы оплаты труда в ИУ занижены, чтобы себестоимость выпускаемой продукции была сопоставимой с аналогичными затратами у конкурентов [4].

Выводы

Таким образом, связь между нормированием и оплатой, по нашему мнению, может быть обеспечена установлением удельного заработка на один нормо-час работы определенной степени сложности и уровня квалификации применительно к различным видам деятельности и категориям работников-осужденных. Тем самым нормо-час выступил бы единым измерителем объема работы, а его цена – мерой оплаты труда, в отличие от практики установления месячной тарифной ставки. Но и конкретизация месячных тарифов (впрочем, как и часовых ставок оплаты), дифференцированных по разрядам тарифной сетки, сегодня для любого учреждения УИС – задача фундаментальная, а возможностей для ее решения силами самих учреждений, мягко говоря, недостаточно. Ведь работы на «зонах» давно не хватает, из числа «хороших менеджеров» исключены экономисты по труду и нормировщики,

должности которых сегодня попросту отсутствуют в штатных расписаниях ИУ, а тщательно подогнанные расценки до осужденных порой не доводятся. Не интересны подобные проблемы и НИИ ФСИН России – организации, призванной, с одной стороны, быть, естественно, лидером в научно-методическом обеспечении производственно-хозяйственных реформаций в УИС, а с другой – не обладающей для этого ни потенциалом, ни ресурсами.

В заключение нельзя не остановиться на следующем, важном для нас, замечании относительно возможного появления законодательных инициатив о применении к осужденным условно-досрочного освобождения или сокращении им срока приговора, исходя не из полноты выплаченного ими долга, а всего лишь из их стремления расплатиться [17]. Непонятно, насколько соотносятся подобные «идеи» с интересами потерпевших лиц, если основным условием «преждевременного» выхода на свободу отбывающего наказание преступника станет не возмещение им из заработанных средств причиненного вреда, а всего лишь отношение его к данному процессу? Что это означает? Если главное не зарплата, а всего лишь желание ее получать, не покрывая издержки по имеющимся искам, то следует ли вообще задумываться о ее сумме? Нужно ли искать возможности повышения оплаты, когда речь идет об осужденных, занятых и сегодня, по утверждению правоведов, «рабским трудом»? Ответ в таком случае только один. Будущее покажет...

Список литературы

1. Clark J. Reflections on the Prisons as Community // Journal of Prisoners on Prisons. 2010. Vol. 19. No. 1. URL: http://www.jpp.org/documents/back%20issues/19-1_toc.pdf (дата обращения: 30.03.2014)
2. Шамсунов С.Х. Труд осужденных к лишению свободы в России (организационно-правовые проблемы): монография. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 304 с.
3. URL: http://фсин.пф/upload/Statistika_2012.pdf (дата обращения: 30.03.2014)
4. Маетная Е., Петелин Г. За решеткой грядет революция. Зарплату осужденным поднимут, а нормы труда пересмотрят. URL: http://www.echomsk.spb.ru/projects/goryachaya-tema/zarplatu-osuzhdennym-podnimut.html?auth_service_id=MyMailRu&auth_service_error=1&print=Y (дата обращения: 30.03.2014)
5. Петелин Г., Маетная Е. ФСИН открыла колонии для частных инвесторов. URL: <http://izvestia.ru/news/546221> (дата обращения: 30.03.2014)

6. Земцов Б. Зона путинской эпохи. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
7. Погудин О.А., Чернышов И.Н. О льготном исчислении срока отбывания наказания осужденным к лишению свободы // Уголовное право. 2013. № 4. С. 54–61.
8. Сорокин А. Труд как средство исправления // Преступление и наказание. 2013. № 2. С. 3–8.
9. Погудин О. Оплата труда осужденных и реформирование уголовно-исполнительной системы // Человек и труд. 2011. № 1. С. 37–42.
10. Погудин О. Проблемы оплаты труда осужденных к лишению свободы: социально-экономическое содержание и пути решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 24. С. 53–60.
11. Головкин Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29–32.
12. Уваров И.А. Труд как средство исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 2. С. 17–20.
13. Алябьева Е. Российский зэк производит в 14 раз меньше американского. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1325406/> (дата обращения: 30.03.2014)
14. Генкин Б. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2003. 400 с.
15. Широкова Л., Сковпень В. Гарантии по оплате труда в отраслевых и региональных соглашениях // Человек и труд. 2013. № 5–6. С. 65–70.
16. Яковлев Р. О регулировании заработной платы в Российской Федерации // Человек и труд. 2007. № 11. С. 57–60.
17. Куликов В. Преступникам, возместившим жертве ущерб, могут снизить срок. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/14/usherb-site.html> (дата обращения: 30.03.2014)

В редакцию материал поступил 18.04.14

© Погудин О. А., 2014

Информация об авторе

Погудин Олег Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, тел.: (4912) 27-21-12

E-mail: pogudinoa@mail.ru

Как цитировать статью: Погудин О.А. О социально-трудовых отношениях в уголовно-исполнительной системе России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2 (30). С. 210–220.

O. A. POGUDIN,

PhD (Economics), Associate Professor

Academy of Law and Management of the Russian Federal Service of Punishment Execution, Ryazan, Russia

ON THE SOCIAL-LABOUR RELATIONS IN THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM

Objective: to state irrationality of the existing wages-forming system of the sentenced to imprisonment as the most important component of social-labor relations in the penitentiary system and to justify the necessity of its reorganization, including by restoring the functions of labour norms.

Methods: dialectical method of studying the phenomena and processes, abstract-logical method, method of analysis, synthesis, comparison of empirical and statistical data.

Results: the position is justified, according to which the pay increase of convicts is based on the development and technological re-equipment of industrial production of the criminal-executive system, and is intended to be linked with both positive dynamics of production and economic activity of the criminal-executive system and effective the institution of their work rating.

Scientific novelty: the strategic relationship is identified between the wages of convicts and the state of industrial production in the penitentiary system. The futility is proved of solving social and labour problems in the penitentiary system on the "institutional principles" that ignore the content of the objective law of value.

Practical value: is manifested in the ability to improve the management of social and labor processes (for example, to ensure the effective application of "social lifts" system to convicts) in the penitentiary system, including norm-setting activities of its central authority.

Key words: criminal-executive system; production in the penitentiary system; wages of convicts; the minimum wage; the work rating; average monthly output of convicts.

References

1. Clark, J. Reflections on the Prisons as Community. *Journal of Prisoners on Prisons*, 2010, vol. 19, no. 1, available at: http://www.jpp.org/documents/back%20issues/19-1_toc.pdf (accessed: 30.03.2014)
2. Shamsunov, S.Kh. *Trud osuzhdennykh k lisheniyu svobody v Rossii (organizatsionno-pravovye problemy): monografiya* (Labor of convicts in Russia (organizational-legal issues): monograph). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2003, 304 p.
3. http://fsin.rf/upload/Statistika_2012.pdf (accessed: 30.03.2014)
4. Maetnaya, E., Petelin, G. *Za reshetkoi gryadet revolyutsiya. Zarplatu osuzhdennym podnimut, a normy truda peresmotryat* (There is going to be revolution in jails. The convicts' wages will be increased, the working norms revised.), available at: http://www.echomsk.spb.ru/projects/goryachaya-tema/zarplatu-osuzhdennym-podnimut.html?auth_service_id=MyMailRu&auth_service_error=1&print=Y (accessed: 30.03.2014)
5. Petelin, G., Maetnaya, E. *FSIN otkryla kolonii dlya chastnykh investorov* (Federal Service of Punishment Execution has opened colonies for private investors), available at: <http://izvestia.ru/news/546221> (accessed: 30.03.2014)
6. Zemtsov, B. *Zona putinskoi epokhi* (The zone of Putin's epoch). Moscow: Algoritm, 2012, 256 p.
7. Pogudin, O.A., Chernyshov, I.N. O l'gotnom ischislenii sroka otbyvaniya nakazaniya osuzhdennym k lisheniyu svobody (On the concessionary terms of imprisonment). *Uголовное право*, 2013, no. 4, pp. 54–61.
8. Sorokin, A. Trud kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh (Labor as a means of correction). *Prestuplenie i nakazanie*, 2013, no. 2, pp. 3–8.
9. Pogudin, O. Oplata truda osuzhdennykh i reformirovanie uголовно-ispolnitel'noi sistemy (Wages of convicts and reforming of the criminal-executive system). *Chelovek i trud*, 2011, no. 1, pp. 37–42.
10. Pogudin, O. Problemy oplaty truda osuzhdennykh k lisheniyu svobody: sotsial'no-ekonomicheskoe sodержание i puti resheniya (Issues of the wages of convicts: social-economic content and ways to resolve it). *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2012, no. 24, pp. 53–60.
11. Golovko, L.V. Penitentsiarnaya politika, gumanizm i ekonomika (Penitentiary policy, humanism and economy). *Uголовно-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2011, no. 5, pp. 29–32.
12. Uvarov, I.A. Trud kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh (Labor as a means of correction of the convicts). *Uголовно-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2011, no. 2, pp. 17–20.
13. Alyab'eva, E. *Rossiiskii zek proizvodit v 14 raz men'she amerikanskogo* (A Russian convict produces 14 times less than an American one), available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1325406/> (accessed: 30.03.2014)
14. Genkin, B. *Organizatsiya, normirovanie i oplata truda na promyshlennykh predpriyatiyakh: uchebnik dlya vuzov* (Organization, norm-setting and payment of labor at industrial enterprises: textbook for universities). Moscow: Izdatel'stvo NORMA, 2003, 400 p.
15. Shirokova, L., Skovpen', V. Garantii po opplate truda v otraslevykh i regional'nykh soglasheniyakh (Guarantees on payment for work in sectoral and regional agreements). *Chelovek i trud*, 2013, no. 5–6, pp. 65–70.
16. Yakovlev, R. O regulirovanii zarabotnoi platy v Rossiiskoi Federatsii (On regulation of wages in the Russian Federation). *Chelovek i trud*, 2007, no. 11, pp. 57–60.
17. Kulikov, V. *Prestupnikam, vozmestivshim zhertve ushcherb, mogut snizit' srok* (The criminals can be released early if they reimburse the damage of the victim), available at: <http://www.rg.ru/2014/01/14/usherb-site.html> (accessed: 30.03.2014)

Received 18.04.14

Information about the author

Pogudin Oleg Anatolievich, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Academy of Law and Management of the Russian Federal Service of Punishment Execution
Address: 1 Sennaya Str., 390000, Ryazan, tel.: (4912) 27-21-12
E-mail: pogudinoa@mail.ru

How to cite the article: Pogudin O.A. On the social-labour relations in the Russian penitentiary system. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 2 (30), pp. 210–220.

© Pogudin O. A., 2014